

УДК 327

Булипопова Е.В.

Северная Корея как азиатский "Прометей": мифология и политтехнология "двойного стандарта"

North Korea as Asian "Prometheus":
Mythology and Political Technology of Double Standard

Статья предлагает взглянуть на проблему Северной Кореи с точки зрения комбинированного методологического потенциала теории мифов и проблематики двойных стандартов в международной политике. Авторское определение политики двойных стандартов как специфической технологии реализации власти, а также структурный анализ древнегреческого мифа о Прометее позволяют открыть новые грани северокорейского вопроса и предсказать наиболее вероятный сценарий развития событий.

Ключевые слова: *Двойные стандарты, политика двойных стандартов, Северная Корея, ядерное оружие, режим нераспространения, ДНЯО, мифы, методология, Прометей.*



The article is proposing to take a look at the North-Korean problem from the combined methodological viewpoint of myths' theory and double-standard politics as a question of IR theory. Original definition of double-standard politics as technology of power spreading and structural analysis of ancient-Greek myth about Prometheus are allowing to open some new aspects of North-Korean nuclear situation and even to preview the most realistic scheme of this process's development.

Key words: *Double standards, double-standard politics, North Korea, Nuclear Non-proliferation Treaty, nuclear weapon, myth, methodology, Prometheus.*

В современном международном и мировом политико-правовом дискурсе существует не так много тем, упоминание которых автоматически делает любую повестку дня "горячей" и злободневной. К таким аспектам, безусловно, относятся северокорейский вопрос и политика двойных стандартов, две проблемы, ссылки на которые давно уже стали общим местом в обсуждении региональных и даже глобальных политических процессов.

Проблемы ядерной программы КНДР и политики двойных стандартов нередко пересекаются в рамках популярно-журналистского контекста. Объединить два специфических феномена современной международной политики в единую научную понятийно-дискурсивную плоскость поможет не менее специфический для современной политологии и теории международных отношений метод – теория мифов. Возможно, такой подход позволит по-новому осмыслить некоторые аспекты регионально-го и мирового политического процесса, связанного с ситуацией вокруг

КНДР.

В современной обыденной речи мифом называют всякий вымысел. Однако в истории культуры миф, был, наоборот, первой формой существования истины, первым типом текста, который объяснял людям устройство мира, их самих и их место в этом мире. Можно сказать, что в истории культуры мифотворчество – это самый ранний из способов обобщать, осмысливать и сохранять для последующих поколений всесторонний опыт коллективно осуществляемой жизни. Миф обобщает опыт, не потерявший своего значения для настоящего и будущего. Поэтому миф говорит о том, что есть всегда, хотя и в форме рассказа о том, что случилось некогда однажды [8]. Великий антрополог К. Леви-Стросс отмечал: "...значение мифа состоит в том, что эти события, имевшие место в определенном момент времени, существуют вне времени. Миф объясняет в равной мере как прошлое, так и настоящее и будущее" [6, с. 217].

Отечественный философ А.Ф.Лосев так писал о мифе: "Это – совершенно необходимая категория мысли и жизни, далекая от всякой случайности и произвола" [7, с. 14]. Безусловно, мы не можем свести науку к повторению мифологии, но имеем полное право изучать объективную реальность, бытие человеческого общества, анализируя сюжеты мифов и легенд, ибо "наука как таковая ни с какой стороны не может разрушить мифа. Она лишь его осознает и снимает с него некий рассудочный, например, логический или числовой, план" [7, с. 57].

Итак, мифологические сценарии и аллегории могут вывести любые системные отношения между определенным набором единиц на высокий уровень абстракции и тем самым выступить как методологический инструмент для вскрытия объективных социально-политических процессов, в частности, северокорейской ядерной проблемы. Однако перед тем как приступить к анализу структурного потенциала мифов, необходимо прояснить существенные характеристики второй теоретико-концептуальной единицы данного мини-исследования, а именно, понятия "политики двойных стандартов".

Если взглянуть на специфику лингвистической структуры термина "двойные стандарты", можно обнаружить две прямо противоположные семантические тенденции этой идиоматической конструкции, пришедшей из английского языка. В одной фразе, столь востребованной и эмоционально-насыщенной, сочетаются, с одной стороны, тенденция к удвоению, разделению, дискретности, которая выражается в древнем происхождении слова "двойной" (от лат. "duo" – "два"), а с другой стороны, – тенденция к универсализации, стандартизации, сопряженная с семантической нагрузкой слова "стандарт" (от лат. "extendere" – "растягивать"). Парадоксальное сочетание в одной лингвистической конструкции двух полярных семантических устремлений напоминает об известном диалектическом принципе – развитии через противоречия. Лингвистический "двойной стандарт", является выражением онтологического сюжета, лежащего в основе любых процессов и, в широком смысле, самой жизни. Политический потенциал данной конструкции вскрывается при рассмотрении соотношения фразеологии и семантики конструкции "разделения стандарта" и знаменитого политтехнологического принципа "разделяй и властвуй".

Как феномен реальности, двойные стандарты не поддаются строгой моральной оценке. Однако, в современном социально-политическом дискурсе понятие "двойные стандарты" имеет, как правило, негативный оттенок, что связано с попыткой этической оценки объективного феномена неравенства как основы существования стандартов и правил, неодинаковых для разных людей и социальных групп. Политические двойные стандарты, спекулируя на явлении естественного неравенства и, таким

образом, обнажая свое истинное лицо как основания для различных политтехнологий, выражаются известной латинской поговоркой "Quod licet Jovi non licet bovi" – "Что позволено Юпитеру, то не позволено быку". При этом неравенство, как правило, основано на праве силы, а не на силе права. Нельзя назвать "естественным" неравенство, многократно увеличенное с помощью силы и власти, однако истоки его формирования как социально-политического феномена восходят к такой глубокой древности, что для человеческого общества такое неравенство и двойные стандарты стали более чем традиционными [1].

В общем, политика двойных стандартов может быть определена как политическая технология, основанная на применении различных инструментов внутренней, внешней, международной и даже мировой политики в однотипных ситуациях в зависимости от интересов источника "правильного" стандарта. Под источником "правильного" стандарта понимается влиятельная системная единица, способная не только продвигать мирными средствами свое представление о том, как должна быть устроена система, но и применить силовые средства в случае сопротивления своему стандарту. При этом субъект политики двойных стандартов (государство, группа государств, ТНК, организация и т.п.) может выступать против того, чтобы другие элементы международной системы, зачастую более слабые, применяли эту политтехнологию, а для обоснования такой позиции может использоваться весь арсенал политических, правовых и силовых методов – от принципа римских цезарей "разделяй и властвуй" до сознательного мифотворчества и информационных войн.

Сегодня, особенно в связи с "косовским прецедентом" и событиями в Южной Осетии в августе 2008 г., мы можем наблюдать, как традиция двойных стандартов, впервые оформленная в политическую технологию Цицероном, приобретает устойчивый статус международного права, подобно древнеримскому "праву народов". Таким образом, стремление к универсализации и противоречие, заложенное в корне понятия "двойные стандарты", закономерно проявляются в очевидной тенденции к закреплению семантического противостояния "общего и особого" на самом высоком нормативном уровне. На сегодняшний момент международное право предоставляет "Юпитеру" несравнимо большие полномочия, нежели "быкам". Данное положение вещей закреплено практически во всех основных политико-правовых документах – от Устава, деклараций и резолюций ООН до режимобразующего Договора о нераспространении ядерного оружия, против которого выступает, в частности, Северная Корея.

В свете данного положения несколько меркнут яркие тона, в которые окрасило картину КНДР как угрозы региональной и международной безопасности мировое сообщество, направляемое чутким руководством главного современного поставщика "правильных" стандартов – США. Системные отношения источника стандарта и единицы, бросающей вызов этому авторитету, превосходно отражены в древнегреческом мифе о титане Прометее.

Эсхил в своей трагедии "Проклятый Прометей" [10] рассказывает о том, как Зевс, правящий всем миром в качестве жестокого тирана, наказывает восставшего против него титана Прометея. Могучий титан вопреки воле Зевса похитил с Олимпа огонь и дал его людям; он дал им знания, научил земледелию, ремеслам, постройке кораблей, чтению и письму; этим Прометей сделал жизнь людей счастливее и поколебал власть Зевса и его помощников – олимпийских богов. Но главная вина Прометея та, что он не хочет открыть Зевсу тайну, от кого родится у Зевса сын, который будет могущественнее его и свергнет его с престола.

Если абстрагироваться от мифологических деталей и посмотреть

на сюжет этого мифа с точки зрения проблемы двойных стандартов в политике, то можно наблюдать следующую картину политической борьбы: "Прометей", некая единица проявляет нелояльность к центру силы, нарушает установленный порядок, за что сильный мира сего жестоко наказывает его и делает из него "преступника" в назидание другим, более слабым единицам системы. Любопытно, что древние греки даже не пробовали замаскировать некоторые моменты такого противостояния источника стандарта (Зевса) и Проклятого титана. К примеру, в тексте мифа прямо говорится, что на стороне Зевса выступают Сила и Власть, которые приковывают Прометея к скале: "Неодолимые слуги грома-вержца, Сила и Власть, ведут Прометея. Громадные тела их словно высечены из гранита. Не знают сердца их жалости, в их глазах никогда не светится сострадание, их лица суровы, как скалы, которые стоят вокруг" [5, с. 114]. Сам Прометей был сыном богини справедливости Фемиды, что придавало ему большой авторитет среди людей. Однако, жизнь не всегда справедлива, особенно в вопросах власти и могущества, и древние греки превосходно отразили эту мысль в мифологическом сюжете. Далее представляется интересным мотив встреч Прометея с другими участниками ситуаций двойного стандарта, в частности, с превращенной богами в корову Ио и Гераклом, которого поддерживал Зевс, но ненавидел другой центр силы – богиня Гера. Гонимая огромным оводом, Ио прибегает на край земли, чтобы спросить у прорицателя Прометея, когда настанет конец ее проклятию, а Геракл убивает орла, терзающего печень титана, и тем самым облегчает его страдания. Здесь обращает на себя внимание возможность кооперации между изгоями системы, которые либо сознательно бросили вызов существующей власти, как Ио, либо стали невольной жертвой могущества неких "чужих" авторитетов, как Геракл.

Далее, отметим, что Прометей обладает даром предвидения, и основная его вина перед Зевсом не в том, что он поделился со смертными знаниями богов (то есть в какой-то мере их властью), а в том, что Прометей знает некую тайну, которая может погубить Зевса, низвергнуть его с Олимпийского трона. Если опустить версию об угрозе верховному богу в лице не рожденного еще сына морской (!) богини Фетиды и аллегорически посмотреть на этот мотив об угрозе центру силы со стороны мятежного Прометея, то станет очевидным, что самую большую угрозу создает не некая тайна, а сам прометеев прецедент. Вслед за ним могут последовать другие, и когда-нибудь кто-то, возможно, окажется сильнее Зевса.

Тем не менее в продолжении мифа, когда Прометея поднимают из Тартара и посылают к нему мучителя-орла, сочувствующие родичи умоляют титана повиниться перед Зевсом и рассказать ему все, о чем тот просит. Важным аргументом становится тот факт, что теперь держава Зевса "сильна, ничто не может поколебать ее, ничто не страшно ему. Да и правит он уже не как тиран, он охраняет государства, хранит законы. Он покровительствует людям и правде среди них" [5, с. 122]. То есть и люди, и боги, и титаны уже приняли как правильный, положительный, тот стандарт и правила жизнедеятельности, которые предложил им Зевс, а, следовательно, прецедент Прометея уже не представляет опасности для главного центра силы; Зевсу важно скорее моральное низложение авторитета Прометея, его согласие на добрую службу верховной власти. Наконец, решающим фактором становится визит бога торговли к некогда проклятому герою: "Принесся с высокого Олимпа быстрый Гермес. С ласковой речью обратился он к могучему Прометею и обещал ему немедленно освобождение, если откроет он тайну, как избежать Зевсу злой судьбы" [5, с. 123]. И на этот раз Прометей уступил, раз и навсегда порвав со своим мятежным прошлым. Комбинация с использовани-

ем двойного стандарта разыграна полностью, все системные единицы приняли те правила игры, которые навязывал центр силы – источник "правильного" стандарта. Если бы Прометея не было в этой игре, то его бы следовало выдумать источнику стандарта, Зевсу, – слишком большая практическая польза от такого "вызова".

Мотив прямого вызова системе принадлежит к одному из самых распространенных мифов – начиная с древнееврейской притчи о непорочной первой жене Адама – Лилит [9, с. 444] и заканчивая современным политическим мифом о странах "оси зла". Ситуация с Северной Кореей является ярким примером такого сюжета. В данном случае можно наблюдать проявление отличительной особенности данного сценария – двойственность в оценках "Прометея", ведь для одной заинтересованной стороны он герой, а для другой – преступник.

Помимо противопоставления себя системе, Северная Корея напоминает Прометея и тем, что с одной стороны, пугает сильных мира сего тайным знанием, способным уравнивать обычных "смертных" с "богами", – технологией изготовления ядерного оружия. С другой стороны, великие державы, особенно члены "элитного клуба" ДНЯО, пугают Северной Кореей других неудобных участников системы международных отношений. Кроме того, сообщения о кооперации Северной Кореи с другими "изгоями" глобальной политической системы (Сирией, Мьянмой, возможно, с африканскими вооруженными группировками и даже Аль-Каедой) [3; 4] наводят на размышления о том, что сильным мира сего действительно есть чего опасаться, ведь сегодняшняя геополитическая карта все еще пестрит областями, сопротивляющимися присоединению к "державе Зевса". Налаживание связей с другими "мятежниками" является логичным шагом со стороны КНДР.

Таким образом, сценарий поведения северокорейского "Прометея" выражается в прямом, открытом вызове системе, которая ориентируется на какой-либо стандарт; "преступление" мятежника влечет за собой суровое наказание. Прометей совершает деяние, которое уравнивает его с богом, отрицает двойной стандарт "во имя справедливости", за что и расплачивается.

Альбер Камю по-своему завершает миф о Прометее: во всеуслышание заявляя о своей ненависти к богам и любви к человеку, тот с презрением отворачивается от Зевса и нисходит к смертным, чтобы повести их на штурм неба. Но люди слабы или трусливы: их необходимо сплотить. И вот Прометей в свой черед становится господином и наставником, сначала обучающим, а потом и повелевающим. Прометей становится божеством и единовластно царит над человеческим одиночеством. Но он унаследовал от Зевса только его одиночество и жестокость; он уже не Прометей, он превратился в Цезаря. Истинный, извечный Прометей принял обличье одной из его жертв [2, с. 119]. Камю, философ далекий от тщетных иллюзий и напрасных надежд, безусловно, зрит в корень реальности, отмечая, что каждый революционер, в конечном счете, становится либо угнетателем, либо еретиком [2, с. 121].

Вряд ли северокорейский "Прометей" сумеет в одиночку противостоять современному "Юпитеру" – слишком неравны силы, а значит, звание еретика для него будет более привычным, нежели титул цезаря. Если в связи с мировым экономическим кризисом посланец богов в виде кровопителя торговли замешкается на пути к азиатскому бунтарю, а кооперация с другими изгоями системы активизируется, власть "Зевса" может оказаться под серьезной угрозой. Впрочем, вряд ли сам источник "правильного" стандарта не отдает себе в этом отчет, поэтому в условиях далекого от солидарности мира и при соответствующей степени безрассудности "Юпитера" его следующей постановкой после "Прометея

Прикованного" вполне может стать трагедия "Прометей, погруженный в Тартар". Более оптимистичный вариант развития событий, при учете угрозы кооперации мятежников со всего мира, – это пролонгированное показательное бичевание азиатского "Прометея", а значит и продолжение политической игры с использованием технологии двойных стандартов.

Таким образом, на примере Северной Кореи, точнее политики двойных стандартов, применяемой по отношению к этому государству, мы можем наблюдать, как политические идеологии и технологии, используя традиционные для человеческого общества, массового сознания и языка структурные элементы, превращается в современную мифологию. Как бы ни трудились политтехнологи и теоретики, выполняя чьи-то политические заказы, в реальных отношениях "между народами" со времен Фукидида и Цицерона не появилось ничего принципиально нового – все те же боги, герои, имманентные вызовы и, увы, закономерные трагедии.



Литература

1. Булипопова, Е.В. "Двойные стандарты" в международной политике: от мифологии к технологии // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. №7. с. 196-199.
2. Камю, А. Бунтующий человек / Пер. с фр.; Общ. ред., сост. предисл. и примеч. А. Руткевича М. Терра Книжный клуб; Республика, 1999. 415 с.
3. Кирьянов, О. Запад подозревает, что КНДР и Мьянма помогают друг другу в создании атомной бомбы. "Российская Газета". 15 июля 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/printable/2009/07/15/kndr-myanmar-site-anons.html>. [Дата обращения: 22 октября 2009 г.]
4. КНДР готовится запустить две ракеты и налаживает выпуск российских противотанковых систем. 2 июня 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newsru.com/arch/world/02jun2009/kndrweapons.html>. [Дата обращения: 22 октября 2009 г.]
5. Кун, Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. М.: ЗАО "Фирма СТД", 2000. 558 с.
6. Леви-Стросс, К. Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
7. Лосев, А.Ф. Диалектика мифа. М.: Академический проект, 2008. 304 с.
8. Найдорф, М. Очерки европейского мифотворчества. Одесса, Изд-во "Друк", 1999. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.countries.ru/library/mif/mifotv.htm>. [Дата обращения: 28 августа 2009 г.]
9. Энциклопедия сверхъестественных существ. М.: Эксмо, 2005. 720 с.
10. Эсхил. Трагедии / Перевод с древнегреческого С. Апта. М.: Худож. лит., 1971. 381 с.